

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ...
 Пылаетъ солнце высоко...
 Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
 Родной аулъ недалеко..
 Тамъ, гдѣ, кустарникомъ покрыты,
 Встаютъ красивые граниты
 Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
 Есть поворотъ и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ.
 Оттуда кровы земляные,
 Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
 Аргуны воды голубыя,
 Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
 Достигнуть поворотъ желанный,
 Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
 Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
 И бѣлый конь сильнѣй рванулся
 Но вдругъ переднею ногой
 Онъ остушился, спотыкнулся,
 И на скаку, между камней,
 Палъ всей тягостью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровлю истекая,
 Лежалъ безъ чувства на землѣ;
 Въ устахъ недвижность гробовая
 И блѣдность муки на челѣ;
 Казалось, часть его кончины
 Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
 Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
 Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
 Ужель степная лишь могила
 Ничтожный въ міръ будетъ слѣдъ.
 Того, чье сердце столько лѣтъ
 Мыслью о ничтожествѣ томила?
 Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
 Склонясь въ отчаяннѣ надъ нимъ,
 Какъ въ бурю ива молодая
 Надъ падшимъ гнется атаремъ—
 Свивалъ онъ панцирь и шеломъ;
 Но сердце къ сердцу прижимая,
 Не слышитъ жизни ни въ одномъ
 И если бѣ страшное мгновенье
 Всѣ мысли не убило въ немъ,
 Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
 И проклиналъ бы Провидѣнье...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ;
 Все неподвижно передъ нимъ.
 Зоветъ—и тучка дождевая
 Летитъ на зовъ его одна,
 По вѣтру крылья простирая,
 Какъ смерть темна и холодна.
 Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
 Одѣла путниковъ она—
 И юноша въ испугѣ новомъ!
 Прижавшись къ другу съ быстротой,
 «О, пощади егѣ... постой!»
 Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
 Что ты пришла меня лишить

Того, кого люблю такъ страстно,
 Кого слабѣй нельзя любить;
 Ступай, ищи другихъ по свѣту;
 Всѣ жертвы бога твоего!..
 Ужель меня несчастнѣй нѣту,
 И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
 Хотя не понялъ онъ моленій,
 Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
 Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ—
 Онъ былъ далеко. Освѣженный
 Его прохладою мгновенной,
 Очнулся блѣдный Измаилъ,
 Вдохнулъ, потомъ глаза открылъ..
 Онъ слабъ: другую ищетъ руку
 Его дрожащая рука;
 И, каждому внимая звуку,
 Онъ шепчетъ дыханье вѣтерка,
 И все, что близко, отдаленно,
 Предъ нимъ яснѣетъ постепенно..
 Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
 Глядитъ... и что же передъ нимъ?
 Глядитъ... уста оледѣли,
 И мысли зрѣньемъ овладѣли..
 Не могъ бы описать подобный мигъ
 Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
 На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ;
 Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
 Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ—
 Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ..
 Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
 О, небо, небо! есть ли въ куцахъ рая
 Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
 Оставить—страшно, уничтожить—жалко!
 Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
 Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
 И любить ли? Но понялъ я молчанье!
 Не встрѣтитъ мнѣ подобное созданье:
 На небѣ неумѣстно подражанье,
 А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ, позабытый
 Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
 Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты—
 И краски жизни имъ возвращены
 Она чело на грудь ему склонила;
 Омущаютъ Зару ласки Измаила;
 Но сердцу какъ ума не соблазнить?
 И какъ любви стыда не побѣдитъ?
 Ихъ рѣчи—пламень; вѣчная пусыня
 Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна..
 Любовь для неба и земли—святыня
 И только для людей порокъ она;
 Во всей природѣ дышетъ сладострастие,
 И только люди покупаютъ счастье.